

На правах рукописи

МАКАРОВА АСЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ТРАДИЦИИ Л.Н. ТОЛСТОГО И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В
ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. АНДРЕЕВА**

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Орел – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Научный руководитель: *Михеичева Екатерина Абдул-Маджидовна*, доктор филологический наук, профессор (ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» заведующий кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы).

Официальные оппоненты: *Боева Галина Николаевна*, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна», профессор кафедры рекламы и связей с общественностью),

Захарова Виктория Трофимовна, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор кафедры русской и зарубежной филологии).

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

Защита диссертации состоится «19» марта 2025 года в 12.00 час. на заседании диссертационного совета 24.2.353.06 в ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» по адресу: г. Орел, Наугорское шоссе, д.29, ауд. 212.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» и на официальном сайте организации: <http://www.oreluniver.ru>.

Автореферат разослан «___» 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.353.06
доктор филологических наук, профессор

Чуб

В.П. Изотов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования объясняется всё возрастающим интересом современной филологии к научным трудам сравнительного характера, которые подтверждают наличие и развитие традиций в процессе творчества и одновременно раскрывают особенности художественного мира каждого из сопоставляемых авторов. Выявление творческих связей между Л.Н. Толстым и Л.Н. Андреевым способствует формированию более полного представления как об истории русской литературы XIX-XX веков, так и позднего времени.

Степень научной разработанности проблемы. С приходом Л.Н. Андреева в литературу его самого и его творчество начали сопоставлять с предшественниками и современниками. Общие темы и проблемы находили в произведениях Л. Андреева и М. Горького, Л. Андреева и В. Гаршина (М. Неведомский), Л. Андреева и Ф. Достоевского (А. Диш), Л. Андреева и В.Г. Короленко (Н. Падарин). Сравнения Л.Н. Андреева с Л.Н. Толстым также встречались в критике (Вс. Чаговец, Барсег и Лоэнгрин, А. Измайлов). В статьях о творчестве Леонида Андреева, в частности, в отзывах В. Воровского, К. Чуковского, А. Луначарского, В. Львова-Рогачевского, Д. Мережковского, В. Поссе, А. М. Горького, говорится об усвоении Андреевым, особенно в ранний период творчества, традиций Толстого.

«Андреев все время вращался в кругу тех же вопросов, тех же сложных проблем жизни, которые мучили и Толстого, особенно в последний период творчества», – соглашается с современниками Андреева автор обстоятельной работы «Леонид Андреев и Лев Толстой» В.И. Беззубов¹. О явном следовании Андреева путем «учителя» говорится в научных исследованиях В.А. Келдыша, Г.Н. Боевой, Л.Н. Кен и Л.И. Рогова, И.И. Московкиной, других ученых. Многие «андреевоведы» вслед за В.А. Келдышем готовы признать: «И если зависимость от Достоевского *в этом смысле* очевидна, то менее явным, но по существу столь же важным оказался для писателя и опыт Толстого»².

Если о творческих связях Толстого и Андреева научная литература все же имеется, то работ сопоставительного характера, в которых говорилось бы о детских и юношеских годах писателей, о сближении и отталкивании их в религиозно-философском поиске, в разработке «мысли семейной», пока не существует, хотя многие исследователи отмечают их важность (см., например, работу В. В. Розанова). О сближении Андреева с Толстым говорит и философский характер их прозы, обращение к «вечным» темам (см. работы Л.А. Иезуитовой, В.А. Келдыша); и эту проблему в настоящее время следует признать недостаточно исследованной.

¹ Беззубов, В.И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин: Ээсти Раамат, 1984. С. 25.

² Келдыш, В.А. К проблеме литературных взаимодействий в конце XIX-начале XX века (о так называемых "промежуточных" художественных явлениях) // О «Серебряном веке» русской литературы : Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 344.

Несомненно, существовали и объективные обстоятельства, способствовавшие «перекличкам» в творчестве Л. Андреева и Л. Толстого: историческая ситуация в России рубежа веков, культурная атмосфера, философско-религиозный поиск, характерный для творческой интеллигенции того времени, которые также диктуют необходимость обращения к сравнительно-типологическому исследованию наследия данных писателей.

Объект исследования: традиции Л.Н. Толстого в творчестве Леонида Андреева и новаторство писателя в разработке общих с Л.Н. Толстым тем, проблем и образов.

Предмет исследования: формы творческого взаимодействия Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева и трансформация толстовской традиции в произведениях Л.Н. Андреева.

Материалом исследования являются произведения Л.Н. Толстого (проза, драматургия, публицистика, письма, автобиографические материалы), Л.Н. Андреева (проза, драматургия, публицистика, письма, автобиографические материалы), современников Толстого – Андреева: А. Чехова, М. Горького, И.А. Бунина и др.

Цель диссертации: исследовать степень влияния личности и творчества Льва Толстого на Леонида Андреева, определить своеобразие преломления традиций Л. Толстого в творчестве его младшего современника, установить индивидуальные особенности и оригинальность подходов Андреева к решению близких Толстому тем, проблем, задач. Достижение поставленной цели требует выполнения следующих **исследовательских задач:**

1. Изучить мемуарную литературу, дневники, эпистолярное наследие Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева; определить сходные обстоятельства жизни писателей, нашедшие своё отражение в их творчестве.

2. Установить особенности использования личных воспоминаний и впечатлений писателей в их произведениях; определить типологически сходные темы, проблематику, образы в творческом наследии Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева; выявить различия в изображении темы детства и осмыслиении проблемы семьи.

4. Проанализировать религиозно-философские взгляды писателей, установить общность и различия позиций Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева в отношении канонической церкви.

5. Провести анализ принципов модификации житийных и сакральных текстов в произведениях писателей, исследовать способы отражения проблем греха и покаяния в соответствии с художественно-эстетическими представлениями Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева.

6. Рассмотреть взгляды писателей на общественно-политическую ситуацию в стране и в мире, проанализировать концепции отрицания насилия в публицистике и в художественном творчестве Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева.

7. Охарактеризовать основные приемы создания художественного образа в произведениях писателей, посвященных теме революции и войны как бесчеловечных актов, разрушающих природу человека.

8. Изучить художественно-публицистические произведения Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева о драме, раскрыть сущность теоретических взглядов писателей на модернизацию жанра.

9. Проанализировать произведения Л.Н. Толстого «Власть тьмы» и Л.Н. Андреева «Каинова печать» («Не убий») в свете теории новой драмы.

Научная новизна. В данной работе проблема «Л.Н. Толстой и Л.Н. Андреев» впервые становится объектом комплексного научного исследования и рассмотрена на разных уровнях: биографическом, мировоззренческом, концептуальном, жанровом, тематическом, мотивном, что позволяет более глубоко и всесторонне рассмотреть вопросы реализации и модификации толстовских традиций в творчестве Л.Н. Андреева.

Методологической основой исследования стали принципы сравнительного литературоведения, разработанные М.М. Бахтиным, А.Н. Веселовским, В.М. Жирмунским, Г.Т. Гариповой, Б.М. Гаспаровым, В.М. Жирмунским, Б.В. Томашевским, О.М. Фрейденберг и др.; работы исследователей творческого наследия Л.Н. Толстого (М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Л.Д. Опульской, А.П. Скафтымова, Ф.А. Степуна, Б.М. Эйхенбаума и др.), Л.Н. Андреева (Ю.В. Бабичевой, Л.А. Иезуитовой, Л.Н. Кен, М.В. Михайловой, Е.А. Михеичевой и др.), в том числе, посвященные проблемам творческого взаимодействия названных писателей (В.И. Беззубова, Г.Н. Боевой, В.А. Келдыша, И.И. Московкиной, А.Г. Соколова, и др.), а также труды русских и западных философов (Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева, В.В. Розанова, Н.О. Лосского, Л.И. Шестова, С.Н. Булгакова, Г.В. Плеханова, Ф. Ницше).

Методология и конкретная методика обусловлены сопоставительным характером исследования и определяются конкретными задачами. В основе диссертации лежат сравнительно-типологический, историко-функциональный, историко-литературный, биографический, аналитический **методы исследования**, а также методика мотивного анализа, применяемые в системе комплексного подхода.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в уточнении понятия «Биографизм» и определении особенностей использования биографического материала при создании художественных коллизий и образов в творчестве Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева; расширении представлений о новой драме и выявлении общности теоретических взглядов писателей на структурные особенности данного литературного явления рубежа XIX-XX вв.

Положения, выносимые на защиту:

1. Жизненные впечатления, воспоминания, наблюдения над окружающей действительностью являются для Толстого и Андреева источником сюжетов и художественных образов. В творческом наследии писателей личные переживания преломляются в изображении характеров героев и обстоятельств их жизни. Толстовские принципы объективизации биографического материала находят отражение в творчестве Леонида Андреева, а их переосмысление становится фактором формирования индивидуального стиля писателя.

2. Сходство религиозно-философских исканий Толстого и Андреева заключается в отказе от канонов православной церкви при сохранении христианского мировоззрения у Толстого и отрицания церковных догматов в творчестве Леонида Андреева, в переосмыслении им сакральных и житийных текстов, в рассмотрении проблемы духовной несвободы личности. Принципиально различными являются концепции действительности писателей, в которых социально-политические и общественные проблемы бытия раскрываются с реалистических позиций в творчестве Толстого и метафизических в творчестве Андреева.

3. Идентичными являются позиции Толстого и Андреева по отношению к любым формам проявлению насилия. Осмысление проблемы проявления жестокости в мире является многоплановым и рассматривается писателями на уровне социальных, межличностных, нравственных, этических, политических отношений. По мысли Толстого и Андреева, унижение человеческого достоинства, социальное неравенство, разрушение семьи, революционное преобразование мира, войны искажают природу человека и являются нарушением высших законов бытия.

4. Единство взглядов Толстого и Андреева раскрывается в отношении к драме как явлению, нуждающемуся в обновлении. Введение психологизма и отказ от преобладания действия над изображением внутреннего мира человека становятся основными принципами новой драмы. Из понимания кризиса классической драмы вытекает идея Андреева о «панпсихе» как одной из универсальных характеристик реальности.

Достоверность полученных научных результатов определяется адекватностью методов исследования поставленной цели и задачам, большим объемом и репрезентативностью анализируемых произведений Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева, привлечением к рассмотрению различных дополнительных материалов (письма, дневники, публицистика), принадлежащих, в том числе, современникам данных писателей – А.П. Чехову, А.М. Горькому, И.А. Бунину.

Практическая значимость исследования. Научные результаты диссертации могут быть учтены в дальнейших литературоведческих исследованиях в области типологических связей, при изучении творчества Л.Н. Толстого, Л.Н. Андреева, а также в разработке общих курсов по теории и истории литературы в рамках программ высших учебных заведений («История русской литературы», «Теория литературы»), в процессе преподавания литературы в школе, колледжах и техникумах гуманитарной направленности.

Личный вклад автора состоит в уточнении и расширении литературоведческих представлений о влиянии толстовских традиций на творчество Л.Н. Андреева, их преодоление и модификацию, в разработке комплексного подхода к решению поставленной проблемы, определении целей и задач исследования, разработке структуры диссертации, сборе фактического материала, его систематизации, комплексном анализе художественного текста в избранном аспекте, апробации результатов исследования в форме докладов на научных конференциях и публикации научных статей.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертации отражены в 13 публикациях (2 в соавторстве), 5 из которых напечатаны в изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Общий объем публикаций – 5,56 п. л. Материалы диссертационного исследования были представлены в докладах на 12 научных конференциях: Всероссийская научная конференция «Орловский текст российской словесности» (Орел, 2014, 2016), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых преподавателей «Ломоносов» (Москва, 2015, 2016, 2017, 2021), Всероссийская научная конференция «Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура» (Орел, 2016), Международная научная конференция «Художественная антропология Серебряного века» (СПб, 2016), Всероссийская научная конференция «Творчество И.А. Бунина: взгляд из XXI века» (Орел, 2018), Всероссийская научная конференция «Творчество И.А. Бунина в контексте культуры XX-XXI веков» (Орел, 2020), Международная научная конференция «Великие имена русской эмиграции (Бунин, Андреев)» (Польша, Ольштын, 2020), Международная научная конференция «Творчество Леонида Андреева: современный взгляд» (Орел, 2021).

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, в частности следующим пунктам: п.3. История русской литературы XIX века (1800 – 1890-е годы); п.4. История русской литературы XX века (1890 – 1920-е годы), п.11. Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве; п.12. Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии.

Структура диссертации: диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы (197 наименований). Содержание диссертации изложено на 204 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обоснование актуальности темы, раскрывается степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи работы, характеризуются материалы и методы исследования, теоретико-методологическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Поскольку и для Толстого, и для Андреева характерно опосредованное использование в творчестве биографического материала, включающего воспоминания о детстве, представление о семье и семейных ценностях, личностное отношение к смерти, в работе проводится сопоставительный анализ произведений писателей, позволяющий выявить творческую индивидуальность обоих авторов в изображении действительности и характеров персонажей.

Данная задача решается в первой главе – «Биографический факт как объект художественного осмыслиения в творчестве Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева».

В первом параграфе – «Биографизм как принцип формирования концепции личности в творчестве Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева» – уточняется понятие биографизма как одной из писательских стратегий, используемых при создании художественных образов и коллизий, в основе которых лежат жизненный опыт или факты личной жизни создателя текста. Изучение биографизма позволяет выявить особенности авторского миропонимания, обусловленного психологий творца и особенностями его эпохи.

Доказывается, что биографизм – один из принципов поэтики художественного текста, предполагающий использование в качестве материала личных впечатлений и обстоятельств жизни, преобразованных в соответствии с творческой задачей конкретного автора. Эмпирические наблюдения писателя над действительностью и факты его биографии при применении данной художественной стратегии приобретают особую специфику, заключающуюся в трансформации реального материала в художественный.

Специфические особенности биографизма заключаются в том, что жизненный материал представляется в тексте опосредованно: через взгляды на жизнь, действия, поступки близкого к автору персонажа, но не тождественного ему.

Биографический материал лежит в основе отражения писателями внутреннего мира персонажа. Л.Н. Толстой в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» изображает взросление человека, обращаясь к собственному жизненному опыту. Писатель передает атмосферу дома Иртеньевых, среду, в которой проходило становление личности Николеньки, акцентирует внимание на сложном мире его чувств и ощущений. Для Толстого важны не только события, но и их осмыслиение, оценка героя, передача настроения персонажа, раскрытие его индивидуальности, отношения к жизни.

Л.Н. Андреев также в своем творчестве использовал и наблюдения над собственной биографией, и осмыслиение жизни окружающих его людей. Душевный опыт Л.Н. Андреева нашел свое отражение в рассказах «Он, она и водка» (1895 г.) и «Чудак» (1896 г.), передающих орловские реалии жизни писателя, а также в статьях «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1900 г.) и «Когда мы, живые, едим поросёнка» (1900 г.) и др.

Герой рассказа Л.Н. Андреева «Загадка» (1895), как и сам писатель, оказывается в силу жизненных обстоятельств в провинциальном городе. В произведении передаётся атмосфера жизни провинции, изображается депрессивное состояние молодёжи, которая стремится изменить жизнь городка, но сталкивается с непониманием окружающих.

Рассказы Андреева, восходящие к жизненным впечатлениям, осложнены повторяющимся мотивами стены (рассказы «Стена», «Вор», «Баргамот и Гараська»), бездны (рассказ «Бездна»), тумана (рассказ «В тумане»),

самоубийства («Загадка» и «Рассказ о Сергеев Петровиче»), игры, соотносимым с мотивом сумасшествия (рассказы «Жили-были», «Призраки», «Красный смех», рассказ и пьеса «Мысль»), старости (драма «Жизнь человека», «Рассказ о семи повешенных», «Сын человеческий», «Жили-были»), что существенно расширяет возможности использования биографизма в художественном тексте. В трилогии Л.Н. Толстой остается в рамках автобиографизма, в чем и заключаются принципиальные различия в творческой манере писателей.

Во втором параграфе – «Особенности освоения биографического материала в творчестве Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева: мотивы смерти и обездоленности» – рассматривается влияние пережитых писателями личных трагедий и наблюдений над окружающим миром на обращение писателей к повторяющимся мотивам бесприютности и смерти.

Мотив смерти получает свое осмысление уже в раннем творчестве Толстого, в рассказе «Семейное счастье» (1859). Героиней рассказа становится Маша, испытывающая бесконечное чувство одиночества и ощущение близости смерти. В рассказе «Три смерти» (1858) Толстой ставит философски значимую проблему неизбежности «ухода», равенства всех перед лицом смерти. Во всех трех частях рассказа на первый план выходит мотив отчуждения, сопровождающий обреченного на смерть, – будь то молодая, красивая, умирающая от чахотки барыня, ямщик или срубленная на крест береза. При этом гибель дерева, как и смерть человека, не могут остановить поток жизни.

Смерть матери становится для Николеньки – героя повести «Детство» (1852) – трагическим событием, меняющим его жизнь. Он отрывается от привычного мира, оказывается в окружении новых людей и событий. Физическое взросление героя меняет его взгляд на жизнь, привносит в неё новые впечатления, мечты, осознание социального и материального неравенства. Это тот период, в котором формируются черты характера, которые отличают Николеньку от его сверстников.

Мир ребенка, по мнению Андреева, во многом определяется влиянием близких людей, прежде всего, матери. В рассказе «Баргамот и Гараська» – это мать маленького Ванюшки; в рассказе «Алеша-дурачок» жалостливая женщина, разрешившая несчастному дурачку остаться в доме; в рассказе «Петенька на даче» – «куфарка Надежда», неспособная дать своему ребенку детство. В рассказе «Валя» две матери: одна, воспитавшая Валю, неродная, но добрая и любимая, другая, давшая жизнь, но не способная любить, чужая. И даже любовь, жалость, материнская забота не спасают детей от страшного взрослого мира.

Образ матери, многогранный и противоречивый, создается из наблюдений за нравами окраинных улиц города Орла и личных впечатлений писателя от матери Анастасии Николаевны, которая сумела «вытянуть» большую семью после внезапной смерти отца будущего писателя.

Толстой в своем творчестве обращается к проблеме «дети и война». События в Севастополе, участником которых был писатель, позволили ему создать образ дочери «матроски», десятилетней девочки, которая говорит о

войне как о чем-то привычном. От натуралистического описания кровавых последствий войны Толстой не откажется и в других своих произведениях. Достаточно вспомнить эпизод последней встречи в полевом госпитале смертельно раненного Болконского с Анатолем Курягиным, которому ампутируют ногу.

У Толстого смерть чаще всего представлена как постепенный переход от жизни к смерти, и в итоге – признание неизбежности и приятие героем собственного «ухода». У Андреева нет «тайства смерти». Смерть его героев – трагедия, ужас которой не искупается благостным представлением о «другой жизни». У Андреева нет того нравственно-духовного и физиологического интереса к процессу умирания, который есть у Толстого («Война и мир», «Смерть Ивана Ильича», «Три смерти» и др.) Смерть героев Андреева – это нарушение «закона жизни», согласно которому человек должен прожить столько, сколько ему отпущено богом. И сама жизнь у Андреева – это процесс «с темным началом и темным концом», неумолимое движение от рождения к смерти.

Образ несчастного человека, смиренно воспринимающего свою обездоленность, не раз возникнет в творчестве Толстого. Героем рассказа «Алеша Горшок» (1905) становится бесприютный Алешка, судьба которого заурядна. Мотив обездоленности характерен и для раннего творчества Андреева. В рассказе «Из жизни шт.-капитана Каблукова» (1898) представлен «заколдованный мир» нищей деревни Собакиной. Ради спасения семьи от голода денщик Кукушкин крадет деньги и своим преступлением заставляет задуматься и спасает от запоев шт.-капитана Каблукова. В рассказе «Большой шлем» (1899) «обездоленными» становятся, казалось бы, вполне благополучные люди, карточное общение для которых стало смыслом жизни.

Героем одного из ранних рассказов Андреева становится Алеша – «Алеша-дурячок» (1898), образ, восходящий к традициям изображения юродивого в русской литературе (Николка в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина, князь Мышкин в «Идиоте» Ф.М.Достоевского, Гриша в «Детстве» Толстого, Иван в рассказе «Иоанн Рыдалец», Аглая в рассказе «Аглая» И. Бунина).

В третьем параграфе – «События личной жизни Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева и их влияние на изображение семейных коллизий в творчестве писателей» – изучаются особенности изображения семьи и семейных ценностей в произведениях писателей.

Указывается, что у Толстого сложные семейные отношения часто становились предметом изображения в литературных произведениях. На позднее творчество писателя во многом повлияли отношения С.А. Толстой с композитором С.И. Танеевым, описанные в книге жены писателя «Моя жизнь». Чувства обоих были связаны с любовью к музыке, погружением в нее. В «Крейцеровой сонате» (1890) герой разоблачает подобную форму измены: музыка вызывает прилив сексуального наслаждения, следовательно, её можно приравнять к измене физической.

Для Толстого нравственность была одной из главных основ семьи. Не подлежит сомнению и тот факт, что события личной жизни Толстого нашли отражение в драме «И свет во тьме светит» (1900). Многогеройность пьесы (в ней более пятидесяти действующих лиц, без учета дополнений такого плана: лакеи, студенты, дамы, танцующие пары) также имеет автобиографические корни: сыновья, дочери, учителя, гувернантки, няньки, близкие родственники, прислуга, мужики, священники, военные, врачи – все они входили в окружение Толстого. Главный герой – Николай Иванович Сарынцев – многими чертами напоминает Толстого, особенно в рассуждениях о Боге и церкви. Хотя драма и не была завершена, для героя конец вполне определенный, как и для самого Толстого: он остается «на распутье».

Прототипами героев романов и пьес Толстого его современники и исследователи не без оснований считали людей из окружения писателя. Так в образе Сергея Ивановича Козырева («Анна Каренина») нашли отражение личные взаимоотношения Толстого с Б.Н. Чичериным. Живая, деятельная натура Левина, помещика, увлеченного хозяйством и физическим трудом, простого в отношениях с крестьянами, героя во многом автобиографичного, противопоставлена ученому-книжнику, сильному в теории, но столь далекому от жизни, Козыреву.

В рассказах «раннего» периода творчества («Ангелочек», «Петъка на даче», «Алеша-дурачок» и др.) Андреев также обращается к семейной тематике, отмечая и непонимание между поколениями, и социальные противоречия, и проблемы наследственности.

Отношения Андреева с З. Сибилевой, Н. Антоновой, А. Велигорской, со второй женой – Анной Ильиничной – отражаются в размышлениях писателя о правде и лжи в семье (драмы «Анфиса», «Екатерина Ивановна», «Профessor Сторицын», «Самсон в оковах», «Собачий вальс», роман «Дневник Сатаны»). Семейные неурядицы и новая «неудачная любовь» к Людмиле Чириковой только усугубляют чувство одиночества и ощущение полного трагизма бытия, что нашло отражение в дневниках и письмах последних лет жизни.

И Толстой, и Андреев декларировали, что именно в семье закладываются основы духовности человека и принципы его существования в обществе, а отсутствие или нарушение нравственных законов приводит к трагедии личности. В «Анне Карениной» брак по расчету делает несчастными и Анну, и Каренина; в «Крейцеровой сонате» из-за отсутствия духовной связи между супругами физическая близость кажется омерзительной, унижающей человеческое достоинство; в «Живом трупе» все возрастающий разлад в семье становится причиной самоубийства Протасова. У Андреева стремление отстоять свое человеческое достоинство толкает Анфису к преступлению («Анфиса»), Екатерину Ивановну («Екатерина Ивановна») – к измене мужу; герои «Каиновой печати» живут, нарушая заповедь Христа «не убий!», героя драмы «Савва» толкает к бунту.

Осознание собственной «вторичности», некой «неполноценности» по сравнению с мужчиной толкают женщину к протесту, к отстаиванию своего

права любить, быть свободной в поступках (Анна Каренина, Екатерина Ивановна). Гармонии в семейной жизни достичь очень трудно: у Андреева примеры подобного рода отсутствуют, у Толстого - брак Левина и Кити («Анна Каренина»), Наташи и Пьера («Война и мир»), однако, чтобы достичь некоторой гармонии, человек должен пройти через трудности и испытания.

Проблемы семейные и Толстой в «Анне Карениной», и Андреев в драмах объясняют и общественными проблемами эпохи, и этим создается «дуалистичность» конфликтов: единство и противопоставленность личного и социального, духовного и телесного, внешнего и внутреннего, жизни и смерти. В Анне Карениной близкие ей люди видят и осуждают греховность ее чувства. В драме Андреева «Екатерина Ивановна» конфликт носит «дуалистический характер»: внешний – ревность, попытка убийства, внутренний – «стена» между традиционным пониманием места женщины в семье и осознанием героиней собственной свободы.

Для героев Толстого и Андреева характерна «двойная любовь». Раздвоение всю жизнь преследовало Анну Каренину. В ней были два «я»; трагедия ее сознания, ее совести состоит в том, что самой героине неизвестно, какое из этих «я» настоящее. У этой двойственности есть и автобиографические корни, так как внутренний мир Толстого был наполнен постоянной борьбой между «чувственной» природой и «совестью». Эта двойственность натуры находит свое воплощение и в образе Левина. Свойственна она и героям Андреева – Анфисе, Екатерине Ивановне.

Религиозно-философские искания писателей и трагическая судьба человека в буржуазном мире легла в основу **второй главы – «Опыт художественного освоения действительности в произведениях Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева».**

В первом параграфе – «Герои Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева в поисках Бога. “Отец Сергий” – “Жизнь Василия Фивейского”» – доказывается, что для писателей проблема веры была одной из важнейших в жизни и в творчестве.

Поиск «пути в храм» Толстой начал еще в детстве. В автобиографической трилогии пятнадцатилетний герой в пору свалившихся на него «несчастий» размышляет о Боге и наказании. Не случайно Федор Степун в статье «Религиозная трагедия Льва Толстого» (1961) объясняет сложность отношения писателя к вере свойством его натуры и состоянием канонической церкви. Н.А. Бердяев в работе «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого» (1911), признавая гениальность писателя, отмечает его непонимание «религиозной стихии» и объясняет это «светским тщеславием», следованием приличиям, привязанностью к традициям дворянства.

В публицистике взгляды Толстого на религию предельно противоречивы. Во вступлении к статье «Исследование догматического богословия» (1880) писатель объясняет свою позицию бессмысленностью и сознательной ложью людей, которые избрали религию для достижения каких-то своих целей. В трактате «В чем моя вера?» (1884) писатель не отрицает учение Христа, и,

напротив, утверждает, что в вере - путь к спокойствию и счастью. Он выдвигает собственную концепцию понимания религии, построенную на идеи платы добром за зло и неукоснительном исполнении заповедей Христа. В «Исповеди» (1882) Толстой пишет об истинной вере простого человека, а сущностью христианства провозглашает стремление к совершенству и «слиянию своей воли с волей Божией». А в «Ответе на определение синода от 20-22 февраля и полученные мною по этому поводу письма» (1901) прямо пишет, что не сомневается в Боге, но отрицает лживость учения церкви.

В художественном творчестве конфликта Толстого с церковью наиболее ярко выражен в романе «Воскресение» (1899). Богослужение в острожной церкви, куда заключенных привели перед отправкой на каторгу, представлено Толстым как некое театральное действие, в котором каждому участнику отведена определенная роль. Писатель акцентирует внимание на мельчайших деталях, доказывающих лживость обряда.

Андреев также не являлся приверженцем христианской церкви и веры, он обладал метафизическим видением, «сознавал религиозную санкцию» и был устремлен к прояснению для себя «вечных» истин. В статье «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1900) Андреев пишет о «собирательном» значении, которое имела для него церковь в молодые годы. Облагораживающее, очищающее от грехов влияние религии мы находим в ранних рассказах: «Баргамот и Гараська» (1898), «Что видела галка» (1898), «В Сабурове» (1899), «Праздник» (1900). О степени религиозности Андреева в зрелые годы можно судить по рассказам «Христиане» (1905), «Сын человеческий» (1909). Особенностью рассказов является то, что трагическое содержание – крушение веры в Бога – передано при помощи комедийных приемов. Наиболее полно бунтарский характер Толстого и Андреева в отношении к церкви воплотился в образах ее служителей: отца Сергея и Василия Фивейского.

В произведениях двух авторов наблюдаются явные сближения. В повести Толстого «Отец Сергий» (написана в 1890-е годы) вдруг открывшаяся князю Касатскому правда об измене невесты заставила его отказаться от светской жизни и привела к Богу. Василий Фивейский до 40 лет ревностно служил Богу, но несчастья земной жизни: гибель сына, рождение идиота, пьянство и смерть попадьи, нелепая смерть Семена Мосягина – породили сомнения в справедливости той великой идеи, которой он посвятил свою жизнь. И в душе Василия Фивейского рождается протест.

Поиск истины о. Сергием заключался в преодолении сомнений и «плотской похоти», помохи людям, разочаровании и обретении Бога в народной вере. Таким образом, Толстой ведет своего героя по собственному пути, который он определил в «Исповеди»: именно в жизни «простых, неученых людей» и заключена настоящая вера.

В рассказах Андреева обращение к церкви и церковнослужителям является не менее сложным. Герой рассказа «Молчание» (1900) о. Игнатий – «дурной священнослужитель», «каляный поп» - после самоубийства дочери, как и другие священники Андреева: Василий Фивейский («Жизнь Василия

Фивейского»), Иван Богоявленский («Сын человеческий») – не склоняет голову перед неизбежным, как должен поступать истинный христианин, а требует ответа от Бога: «За что?».

К осмыслению проблемы веры в Бога Толстой и Андреев обращались на протяжении всего творческого пути. В итоге поисков Толстой убедился, что истинная вера есть только в душах простых людей, и она далека от догматов церкви. Для героев Андреева, как и для самого писателя, характерна «метафизика неверия». Наиболее полно бунтарский характер Толстого и Андреева в отношении к церкви выразился в повести «Отец Сергий» (1890) и в рассказе «Жизнь Василия Фивейского» (1903).

Во втором параграфе – «Концепция личности в свете философско-религиозных поисков писателей» – рассматриваются взгляды писателей на человека и его внутренний мир, обусловленные противоречивостью мировоззрений Толстого и Андреева.

Противоречивость религиозно-философских взглядов Толстого отразилась в рассказе «Смерть Ивана Ильича» (1889), выражавшем одновременно мысль об «отсутствии Бога» и страхе перед безверием. У Толстого, как и у его героя, «богоборчество» – преходящий момент душевной эволюции, в итоге отвергаемое во имя христианской правды. «Ужас молчащего Ничто» страшил и героев Андреева, и они так или иначе стремились «посчитаться» с порабощающими человека началами.

Сложность и противоречивость личности в творчестве Толстого критиками и литературоведами объяснялась двойственностью натуры и мировидения самого писателя, отрицанием традиционной церкви и поисками нравственного начала в Боге (Д. Мережковский, Н.К. Михайловский, Г.В. Плеханов, М. Морозов, В. Ленин, В. Никитин, К.Н. Ломунов).

В творчестве Андреева герои также сомневаются в наличии «живого и вечного Бога», но в отличие от символистов, занятых богоискательством (В. Соловьев, Д. Мережковский), писатель ищет бога в человеке, и из всех вариантов веры предпочитает неуспокоенность, сомнения, философско-религиозный поиск за пределами устоявшихся конфессий.

Еще одной метафизической составляющей творчества Андреева, которая сближает его с Толстым, стала идея противоборства Света и Тьмы, Бога и Сатаны в душе человека. Герой Андреева имеет сложный и противоречивый внутренний мир, ареной борьбы между Добром и Злом становится его душа, а противоборствующими силами – две стороны человеческого «я». Из факторов, образующих человеческую индивидуальность (генетического, физиологического социального, культурного и др.), Андреева особенно интересует влияние бессознательного «коно», заставляющего человека совершать поступки, не объяснимые с точки зрения разума. На контрасте Света и Тьмы строятся многие андреевские образы: студента Немовецкого («Бездна»), Человека («Жизнь Человека»), Иуды («Иуда Искариот»), герцога Лоренцо («Черные маски»), Екатерины Ивановны («Екатерина Ивановна»), Сашки Жегулева, героя одноименного романа. Обеспокоенный состоянием

современного ему общества, Андреев хочет предупредить человечество о грозящей ему опасности окончательного духовного оскудения и привести каждого человека к осознанию необходимости выбора своего места во вселенской борьбе Света и Тьмы.

Отчасти сложность восприятия Андреевым человека объясняется увлечением концепцией Льва Шестова и влиянием предэкзистенциализма. Одиночество, взаимное непонимание людей, фикции общения в буржуазном обществе, осознание собственной отверженности были предметом размышлений писателя. Именно этим обусловлена его идея спасения от катастрофы, грозящей миру, уход от мира внешнего во внутренний мир.

Близкими экзистенциализму оказались следующие особенности творчества Андреева: в нем отразилась «загадка личности», для которой «смотреть в себя» значило «смотреть в пропасть» (в бездну, мглу, тьму, туман). Личность осознает метафизическое отчуждение от всего реального, ею владеет одержимость в поисках Бога, внимание сосредоточено на бессознательном «оно», вдруг заявляющем о себе в момент душевной катастрофы. В итоге рождается андреевский герой – погруженный в депрессию, надломленный, потерянный, крайне индивидуалистичный, отчужденный от мира.

Сходство взглядов Андреева и Толстого состоит также в антропоцентризме, в стремлении писать о человеке и для человека, в признании ценности индивидуального начала, в понимании борьбы с несправедливостью не в социальном, а в метафизическом плане, в признании отчуждения человека от общества, что и даёт возможность говорить об экзистенциальных мотивах в творчестве обоих писателей. Основное различие между писателями состоит в том, что путь к позитивным сдвигам сознания у Толстого лежит через соединение с Богом, и это отличает его от Андреева, отказывающего себе и своим героям в богозаступничестве. Тем более ему чужда нерассуждающая вера народа, на которую уповаёт Толстой. Если Толстой видит свое предназначение в утверждении человека в его надежде на Бога, то Андреев – в беспощадном вскрытии нарывов в его душе, в разоблачении самой идеи божественной справедливости.

Так, внимание Л. Толстого и Л. Андреева на рубеже XIX-XX веков сконцентрировано на формировании концепции личности, построенной на поиске новых ориентиров в жизни человека: нравственных, религиозных, этических, эстетических. Центральной категорией концепций писателей становится человеческое существование, экзистенция, бытие, включающее Бога, веру, жизнь, смерть, отчуждение.

Глава третья – «Л.Н. Толстой и Л.Н. Андреев о человеке в мире общественно-политических катаклизмов» – раскрывает отношение писателей к любым формам проявления насилия: от семейно-бытовых конфликтов до кризисов глобального масштаба.

В первом параграфе – «Л.Н. Толстой и Л.Н. Андреев против нарушения «закона жизни» – рассматриваются проблемы жестокости мира и ничтожности человека перед глобальными катастрофами революции и войны.

Насилие в самых разных проявлениях категорически отрицается писателем: насилие над личностью (роман «Воскресение»), насилие в семейной жизни («Власть тьмы»). В изображении Л. Андреева насилием над личностью является бедность, существование в пределах которой становится нормой жизни, меняет психику человека (рассказ «Случай»).

Другие варианты насилия – это «законное» наказание, к которому прибегают массы с целью изменить социальный строй («К рабочему народу», «Одумайтесь!»), или, напротив, насилие над массами. В рассказе «Ходынка» (1910) Толстой предлагает неожиданную интерпретацию страшного события, жертвами которого стали около 1400 человек.

Явное концептуальное сходство прослеживается между «Рассказом о семи повешенных» (1908) Андреева и рассказом «Божеское и человеческое» Толстого, работу над которым писатель начал в 1879 году и продолжил в 1903 – 1905 годах. Между двумя произведениями можно провести следующие параллели: наличие реальных прототипов, сходство сюжетных линий, отношение героев к насильственной смерти.

Особое место в творчестве Толстого уделено теме духовной несвободы человека в буржуазном обществе (роман «Воскресение», повесть «Дьявол»). В ранних рассказах Андреева («Он, она и водка», «Загадка», «Чудак») и в более поздних («Молчание», «В тумане», «Жизнь Василия Фивейского», «Губернатор») трагическая судьба противопоставленного обществу и, следовательно, обретенного на гибель героя выходит на первый план.

То, как совершается насилие над личностью, Толстой отразил в романе «Воскресение» на примере судьбы Катюши Масловой, которая не отличалась от судьб других обманутых богатыми господами простых девушек. В подобной ситуации оказываются женщины той же «профессии» и у Андреева: Паша («Памятник»), Манечка («В тумане»), Караурова («Христиане»), Люба («Тьма»). Тема проституции, одного из свидетельств нарушений «закона жизни», существовавших в обществе, занимает важное место в произведениях писателя.

Герой рассказа Андреева «Тьма» (1907), как и Нехлюдов у Толстого, проходит процесс своеобразного «воскресения»: он возвращается из выдуманной «чистой» жизни в суровую, пусть «грязную», но реальность. В постоянно меняющейся картине мира у Толстого и Андреева понятия «чистота» и «грязь» меняют свое значение на противоположное. Еще один критический выпад в адрес буржуазного общества и доказательство «переклички» между Толстым и Андреевым – сцена суда в «Воскресении» (1899) и «Христианах» (1905). В обоих произведениях суд представлен как некое игровое действие, и все роли в этой игре заранее распределены. Сама процедура суда – это не что иное, как фарс, в котором участвуют все «служители закона» – от охранника до председателя суда.

Неприятию любых форм насилия, независимо от того, инициированы они властью или ее противниками, посвящены рассказы Л. Андреева середины 1900-х годов. Откликом на события 9 января 1905 года стал рассказ

«Губернатор» (1906). Обвинение в насилии объявлено в рассказе всем его героям: губернатору Петру Ильичу, должность которого позволяла судить и карать, революционерам, готовившим покушение на губернатора, судьям, которые вынесут приговор революционерам, исполнителям этого приговора.

Для Толстого прямым доказательством «развращения» рода людского служит то, что все это – пытки, казни – придумано «людьми учеными, просвещенными», которые, понимая всю степень безобразия творимого ими, производят свои действия «тайно, на заре», и те, «кто вешал, уходят с чувством выполненного долга». Тела снимают и зарывают. «Одумайтесь!» – призывает он людей «ученых, просвещенных». У Андреева в «Рассказе о семи повешенных» казнь совершается на рассвете, и новый весенний день люди встречают, видя болтающиеся на виселице тела повешенных.

Самое страшное в этом действе то, что убийство становится делом естественным, свойственным человеку, его поддерживают и вводят в рамки закона сенат, синод, дума, церковь, царь. Но казни вовсе не успокаивают народ, а напротив, раздражают и толкают на новые протесты. Между «правительственными людьми», одобряющими казнь, и революционерами, которые новую форму жизни хотят «установить насилием», автор статьи «Не могу молчать!» (1908) не видит разницы. Заканчивается статья призывом, в котором звучит нота отчаяния и требование остановить насилие. Толстой призывает всех, кто носит звание «человек», осознать, что жизнь на земле для каждого – лишь краткий миг, и не может быть целью жизни мучить и убивать людей, лгать перед собой, перед людьми и перед Богом, в какой бы форме и из каких побуждений это насилие ни проявлялось.

Во втором параграфе – **«Русский человек на сломе истории в произведениях Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева»** – рассматривается отношение писателей к таким глобальным историческим событиям, как революция и война. Важнейшие для России и мировой цивилизации события нашли отражение в художественных произведениях, в мемуарах и в публицистике писателей. В оценках Толстого и Андреева ситуации в России начала XX века есть и явная перекличка, и существенные отличия.

Толстой отвергал насилие в любых формах. Например, в статье «Где выход?» (1902) он размышлял о социальном неравенстве. Еще одной формой насилия и одним из путей уничтожения человечества Толстой считал голод. Статья «О голоде» (1906) свидетельствует о том, что Толстой живо интересовался обстановкой в стране и много знал о грозящем народу бедствии.

Неприятие Толстым устоев современного мира нашло отражение в ряде статей таких, как «К политическим деятелям» (1903), «Об общественном движении в России» (1904), «Единое на потребу» (1905), «Конец века» (1905) и других. Своим неприятием нарушения «закона жизни» в любом варианте: будь то «рабство фабричное», которое приводит к ранней смерти, социальное неравенство, позволяющее одним безбедно существовать за счет тяжкого труда и нищеты других, покушение на высокопоставленного чиновника или казнь террориста – он был близок Андрееву, чья гражданская позиция нашла

отражение, как в художественном творчестве, так и в публицистике, в статьях «Памяти Владимира Мазурина» (1919), «Памяти погибших за свободу» (1919), «*Veni, creator!*» (1917) и др.

И Толстой, и Андреев к «хроническому преступлению заповедей божеских и человеческих» относили войну, и резко отрицательное к ней отношение отразилось в творчестве обоих. Помимо признания того, что любая война – один из способов нарушения «закона жизни», у писателей были личные причины ненавидеть войну. Толстой в 1854 году сам был участником обороны Севастополя, и понимание антисоциального характера любых войн нашло выражение уже в «Севастопольских рассказах» (1855).

Неприятие насилия как способа решения любых проблем определило отношение Толстого к войнам XX века. В 1904, в год начала русско-японской войны, он пишет очерк «Одумайтесь!», в котором одиннадцать из двенадцати глав начинаются с высказываний лучших представителей человечества, отрицавших такой способ решения внутригосударственных и межгосударственных проблем, как война.

События русско-японской войны и спровоцированная этой войной революционная ситуация заставили творческую интеллигенцию в России и за рубежом занять определенную позицию в отношении к войне. Рассказ Андреева «Красный смех» (1904) написан в стиле нового художественного направления, заявившего о себе в начале XX века, – экспрессионизма. Ощущения, чувства, опираясь на которые рождается художественный образ, выраженный через нестандартные для реалистического письма формы, – основной прием экспрессионизма. В рассказе Андреева нет единого сюжета, последовательно развивающегося действия; события войны представлены в «отрывках».

Между «Севастопольскими рассказами» Толстого и «Красным смехом» Андреева логично выстраиваются параллели. Жесткая натуралистичность, свойственная экспрессионистскому тексту Андреева, характерна для военных сцен в рассказах Толстого. В описании страшных последствий массового убийства Андреев явно следует за Толстым.

В главе четвертой – «Роль Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева в формировании художественно-эстетических принципов новой драмы» – рассматриваются основные подходы к созданию психологической драмы, характеризующейся углубленным исследованием внутренней жизни персонажей.

В первом параграфе – «Воззрения Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева на драму и реализация их теорий в творчестве» – утверждается, что к концу XIX века традиционная драма-действие уже полностью исчерпала свои возможности. Линейная событийность, общепринятая в драме предшествующего периода, не отвечала не только запросам зрителей, но и потребностям драматургов, которые стремились наполнить жанр новыми принципами изображения человека. Потребность детального воссоздания внутреннего мира героя объяснялась сильнейшим влиянием на драму русской

прозы: романов И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. Так возникли предпосылки для рождения новой драмы, которая стала модификацией традиционного жанра. Данная жанровая разновидность характеризуется усилением нравственного и философского конфликтов, преобладанием диалога/монолога над действием, дискуссионностью, как открытой, так и внутренней, психологизмом, усилением роли подтекста, авторских ремарок, символики.

Наибольший интерес и у Толстого, и у Андреева вызывает драма внутренняя, «диалектика души», в основе которой двойственная природа человеческой личности, борьба света и тьмы, добра и зла. Противостояние в произведениях Л. Толстого («Крейцерова соната», «Живой труп», «Власть тьмы») и Л. Андреева («Анфиса», «Екатерина Ивановна», «Савва», «Тот, кто получает пощечины», «Каинова печать»), с одной стороны, являлось следованием традициям русской литературы, с другой, раскрывало возможности для новых подходов к драме как литературному жанру.

В параграфе отмечается, что на необходимость модернизации драматургии указывали М. де Унамуно, предложивший соединить театр классический и современный на основе «автопсихологизма» (статья «Возрождение испанского театра»); Э. Бентли, которым было обоснованно понятие «психодрама», максимально сближающие театр и жизнь, где показываются внешне заурядные люди, ведущие ничем не примечательную жизнь, в глубине души обуреваемые мощными первобытными страстями.

Отношение к состоянию драматургии рубежа веков было высказано Толстым в статье «О Шекспире и о драме (Критический очерк)» (1906), в которой доказывается неестественность противостояния между действующими лицами, вычурность языка шекспировских героев, вторичность их характеров, отказ от религиозной идеи. Причины упадка драмы писатель видит в изменении ее функций, в том, что драма стала развлечением «пошлой и безнравственной толпы».

Андреевым в «Письмах о театре» (1913) предлагается собственный взгляд на проблемы драматургии. Именно им было отмечено движение драматических коллизий от внешнего действия к внутреннему и появление нового типа героя – интеллектуала и мыслителя. Отказ от прежних принципов изображения характеров персонажей писатель объясняет интересом к психологии и необходимостью раскрытия души человека. С этой задачей, по мнению Андреева, справлялся только А.П. Чехов, соединивший «тело» и «душу», физическое и духовное. Андреевым было отмечено и влияние на появление новой драмы кинематографа – «кинемо», зрелищности которого должен быть противопоставлен «панпсихизм».

Следовательно, и Толстой, и Андреев отрицали необходимость сохранения верности форме и содержанию «устаревшей» традиционной драмы и были убеждены в назревшей потребности перестройки драматургии и театра.

Андреев старался находиться в рамках созданной им теории психологической драмы на протяжении всего творческого пути. Его концепция

формируется в период работы над первой завершённой драмой – «К звездам!», которая не лишена романтических тенденций; проявляется в драме «Савва», раскрывающей власть идеи и страсти; в философской драме «Анатэма», построенной на выявлении причин и сущности противоречий между внешним поведением героя и его духовными исканиями.

Объектом внимания драматурга становится неповторимый мир личности, предельно сложный и противоречивый, не до конца доступный для понимания. Цвет, свет, жест, музыка приобретают в драмах Андреева психологическую значимость, повседневные разговоры содержат в себе глубокий подтекст – возникает «второй план», расшифровка которого становится сверхзадачей зрителя.

Внутреннее противостояние особенно остро раскрывается в драме «Савва» (1906), где ставится вопрос о Боге. С позиций веры смотрит на жизнь и смерть Липа. Ее оппонент Савва хочет уничтожить веру народа в Христа, так как считает религию обманом, который лишает человека свободы мысли и действий. Гибель Саввы становится отчасти доказательством верности его мыслей, так как толпа, воспевающая Христа, оказывается равнодушной к его смерти.

Особое значение в новой драме Андреев придаёт женскому образу, что обусловлено идеями феминизма, получившими распространение и на Западе, и в России. Драматург создает абсолютно новый тип женщины, не стремящейся стать женой и матерью, требующей уважения к себе, способной переступать через запреты. Именно таким представлен характер героинь драм «Анфиса» (1909), «Екатерина Ивановна» (1912), которые находятся во власти чувств и способны совершать непредсказуемые поступки.

Во втором параграфе – «Мотив покаяния в драмах Л. Толстого “Власть тьмы” и Л.Н. Андреева “Каинова печать” (“Не убий”» – доказывается, что в творчестве Андреева произведением, демонстрирующим отказ от разностилевой драмы (реалистическая, символическая, экспрессионистская) и переход к драме «панпсихе», стала «Каинова печать» («Не убий») (1913), в которой центральной является проблема нравственного выбора.

Преступление Каина, вызванное своеволием, порождает в творчестве Андреева галерею персонажей, совершающих преступления, спровоцированные несправедливостью судьбы, обидами, оскорблениями, непониманием близких (Екатерина Ивановна, Василиса Петровна, Генрих Тиле и др.) Они не хотят жить по существующим законам и бунтуют, совершая преступления. Поиск «очищения» и покаяния людьми, совершившими грех и осознавшими это, характерен и для героев Андреева, и для героев драмы Толстого «Власть тьмы» (1889).

Значимую роль в драме Толстого играет эпиграф из Евангелия. Его можно отнести и к драмам Андреева, так как героями, «прелюбодействующими с женой в своем сердце», являются Костомаров («Анфиса»), Ментиков, Коромыслов («Екатерина Ивановна»), Яков («Каинова печать»), барон Реньяр

(«Тот, кто получает пощечины») и другие. Внимание писателей обращено также на демоническое начало в женщине, рождающее «вожделение» и толкающее мужчину на преступление.

И у Толстого, и у Андреева «демонизм» женщины провоцирует мужчин, Никиту («Власть тьмы») и Якова («Каинова печать»), на преступление. В обеих драмах преступление остается за сценой. И нравственные итоги убийства одинаковы: Василиса Петровна, получившая деньги Калабухова, и Анисья, также получившая деньги и вышедшая замуж за Никиту, разбогатели, но богатство не приносит им счастья и успокоения, так как один грех тянет за собой другой.

Готовое прорваться наружу внутреннее напряжение всех участников сцены сватовства у Толстого усиливают впечатление ненатуральности, игрового характера происходящего. У Андреева также ярко выражена сценичность происходящих событий. Персонажи на свадьбе играют роли: Василиса – «благородной» дамы, Яков – друга дома, вечно пьяный князь – жениха. Пожалуй, только Зайчиков, который искренне любит князя и озабочен его судьбой, вызывает сочувствие: он вынужденно принимает участие в этом трагифарсе.

Лейтмотив обеих драм: убийство – страшный грех, его нельзя искупить или переложить на плечи другого. Есть высший судия, которого нельзя обмануть, как и собственную совесть. Убийство младенца перевернуло душу Никиты, он каётся в убийстве и других своих грехах, просит прощения у соблазненной им Марины («Власть тьмы»). Василиса Петровна уговаривает Якова снять грех с ее души, перед богом поклясться, что он убийца Калабухова («Каинова печать»). Но, даже добившись согласия Якова, она не успокаивает свою совесть. В конце драмы Василиса, как и Никита у Толстого, признается в своем грехе.

В драмах и Толстого, и Андреева есть персонажи, задача которых – противостоять злу, подвигнуть заблудшие души к покаянию. В драме «Власть тьмы» эту миссию выполняет отец Никиты, Аким. В «Каиновой печати» Феофан советует Якову снять грех с души, признаться в убийстве. Только в покаянии видят положительные герои Толстого и Андреева возможность очищения души от греха.

Герои обеих драм не выдерживают «испытания социумом». Главной же и для Толстого, и для Андреева остается нравственная проблема: способность преступника к покаянию, к духовному возрождению. Но и Толстой, и Андреев вынуждены признать, что далеко не каждый, преступивший закон нравственности, способен к покаянию, и не каждый покаявшийся (Никита у Толстого, Василиса Петровна у Андреева) заслуживает прощения. Жажда материальных благ и отказ от духовности неизбежно ведут к преступлению, к нарушению заповеди «не убий» и, как итог, к неизбежному наказанию.

В **Заключении** сформулированы основные выводы, подведены итоги исследования, намечены дальнейшие его перспективы. Влияние Л. Н. Толстого на развитие культуры в России в целом и на писателей последующих

поколений трудно переоценить, и Леонид Андреев был одним из тех, для кого художественный опыт Толстого стал неотъемлемой частью его собственной творческой индивидуальности. Сопоставительный анализ произведений двух авторов подтверждает как факт наличия традиций Толстого в прозе, драматургии, публицистике писателя, так и творческий подход Андреева к их усвоению.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Михайлова, М. В., Макарова, А. А. Формы воплощения семейного конфликта в драмах Л. Андреева «Анфиса», «Екатерина Ивановна» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». – Орёл, 2015. – №5 (68). – С. 138-144 (0,8 п.л.) (авторство не разделено).
2. Макарова, А. А. Мотив покаяния в драмах Л. Толстого «Власть тьмы» и Л. Андреева «Каинова печать» («Не убий») // Ученые записки Орловского государственного университета. – Орел, 2017. – №1 (74). – С. 99-102 (0,5 п.л.).
3. Макарова, А. А. Образы детства в творчестве Л. Н. Толстого и Л. Н. Андреева // Ученые записки Орловского государственного университета. – Орел, 2022. – №1 (94). – С. 92-95 (0,5 п.л.).
4. Макарова, А. А. Антивоенная тема в творчестве Л. Толстого и Л. Андреева // Наука и школа. – 2023. – №4. – С. 11-18 (0,57 п.л.).
5. Макарова, А. А. Оппозиция как принцип структурной организации текста в произведениях Л. Толстого и Л. Андреева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – №2. – С. 38-41 (0,29 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

6. Макарова, А. А. Женские характеры в драме Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» // Орловский текст российской словесности: Коллективная монография по материалам Всероссийской научной конференции, посвященной памяти Е.К. Дейч и Н.А. Куделько. – Орел: ООО ПФ «Картуш», 2015. – С. 40-44. (0,3 у.п.л.).
7. Макарова, А. А. «Мысль семейная» в произведениях Л. Толстого и Л. Андреева // Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура: Сб. ст. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. – Орел: ООО ПФ «Картуш», 2016. – С. 126-129. (0,25 у.п.л.).
8. Михайлова, М. В., Макарова А. А. Леонид Андреев – Август Стриндберг: точки схождения // Труды Санкт-Петербургского

государственного института культуры. – 2017. – Том 215. Художественная антропология серебряного века: Материалы Международной научной конференции «Литературные чтения». – С. 107-114 (авторство не разделено). (0,5 у.п.л.).

9. Макарова, А. А. Концепция личности в свете философско-религиозных поисков Л. Толстого и Л. Андреева // Орловский текст российской словесности. Вып. 10. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 145-летию со дня рождения Л.Н. Андреева. – Орёл: ООО ПФ «Картуш», 2017. – С. 33-38. (0,35 у.п.л.).

10. Макаров, А. А. Образы детства в автобиографических книгах Л.Н. Толстого и И.А. Бунина // Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения И.А. Бунина (научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы). – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2020. – С. 49-53. (0,3 у.п.л.).

11. Макарова, А. А. Герои Л. Толстого и Л. Андреева в поисках Бога («Отец Сергий» – «Жизнь Василия Фивейского») // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021». [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2021. – Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_35_21975.htm. (0,3 у.п.л.).

12. Макарова, А. А. Лев Толстой и Леонид Андреев. Истоки «сходений» в творчестве // Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности: Коллективная монография. – Н. Новгород: Мининский университет, 2021. – С. 121-128. (0,5 у.п.л.).

13. Макарова, А. А. Л. Толстой и Л. Андреев о нарушении «закона жизни» // Орловский текст российской словесности. Выпуск 14. – Орел: Издательство «Картуш», 2022. – С. 52-57. (0,35 у.п.л.).